

© 2007 г. Г. ГЛАДКОВА, И. ЛИКОМАНОВА

НЕКОТОРЫЕ РАЗДУМЬЯ НАД ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИЕЙ

В № 6 ВЯ за 2005 год вышла статья Г. Нецименко «Некоторые раздумья над книгой "Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели)"». Настоящий текст реагирует на нее с целью не столько скорректировать некоторые фактические неточности и положения, которые, на наш взгляд, представлены в статье в необъективном освещении, сколько сосредоточиться на обсуждении вопросов по теоретическим проблемам языковой ситуации и так называемой «культуре языка».

Поскольку статья Г. Нецименко отличается острой полемичностью, мы сосредоточимся только на тех частях нашего текста, которые вызвали отрицательную реакцию с ее стороны (автором статьи анализируются введение и теоретическая первая глава книги, прикладные же, т.е. фактографические, вторая и третья главы затронуты лишь вскользь). Слова Г. Нецименко, венчающие книгу «Этнический язык»: «Выносимая на суд читателя концепция отнюдь не является истиной в конечной инстанции. Высказывая свои соображения, мы хотели лишь принять посильное участие в поиске оптимального решения этой чрезвычайно актуальной и сложной проблемы» [Нецименко 1999: 220], оказались голословной декларацией, поскольку предпринятая нами попытка продолжить поиски оптимального моделирования проблематики языковой ситуации совсем не встретила у автора понимания. Несмотря на это, мы постарались поставить во главу угла дискуссию о теоретическом осмыслении актуальных процессов, прослеживающихся в развитии и функционировании славянских языков, которая может заинтересовать научную общественность. Для этой цели, злоупотребляя терпением читателя, прибегнем к более развернутой цитации своей книги, выбирая при этом те фрагменты, которые могут в наиболее сжатой форме представить нашу концепцию, которая в статье Г. Нецименко так и осталась неосвещенной. Оговоренный характер цитации обусловлен еще и тем, что выводы Г. Нецименко базируются на слишком коротких отрезках текста, которые из-за отсутствия необходимого контекста не позволяют читателю понять смысл и цель наших высказываний.

1. Осознавая необязательность и даже обременительность для читателя сопроводительной информации, полагаем целесообразным с самого начала упомянуть о нескольких обстоятельствах и фактах, могущих пролить свет на оригинальность текста нашего исследования.

1.1. Над нашей книгой мы начали работать в рамках научного проекта Contemporary language situation and its historical perspective (on Bulgarian and Czech), выполненного по программе Research Support Scheme Open Society Fund, номер 1778/1083/1997, длящегося с октября 1997 г. по октябрь 1999 г.¹ Результатом проекта, концепция и заглавие

¹ Прочитываем аннотацию проекта из заявки на проект, поданной на обсуждение в 1996 г., и фрагмент из отчетной документации за 1998 г., из которых видно, что решением основных теоретических проблем мы занимались задолго до знакомства с книгой Г. Нецименко «Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации» [Нецименко 1999] (с ранними статьями этого автора по данной проблематике мы не работали, впрочем и в книге 1999 г. она на них не ссылается, а по ходу работы мы нигде с рецепцией ее теории до 1999 г. не встретились):

которого оставались неизменными, стал текст, который в своей теоретической части был практически готов уже в октябре 1999 г. Совместная работа над текстом книги продолжалась еще до половины 2000 г., причем за этот период существенно расширилась диахронная прикладная глава, которая вышла за рамки проекта.

1.2. Упомянутый труд Г. Нецименко [Нецименко 1999], представляющий собой ценный синтез многолетней сосредоточенной работы и отражающий ее новейшие заключения, в нашей книге цитируется 24 раза, причем 22 раза в теоретической главе, а 2 раза в прикладной диахронной главе². С нашей стороны отношение к ее работе более чем

(1996) Main objectives to be achieved «The contemporary dynamic language situation in Bulgaria» necessitates changes in the theoretical conceptions about literary language, its norm and practice. This calls for a respective analysis of the situation, especially of the status of colloquial language. To make the analysis objective, and theoretically contributive, we shall need a thorough review of the existing publications on the problem and of archive material, as well as the collection of more recent material showing the current processes taking place in the language.

A topical aim will be the to sum up observations made so far on the history of the Bulgarian language, by also applying the most recent theoretical finding of the Prague Linguistic Circle. The comparative approach (juxtaposition with the Czech language) could substantially contribute to the objectivization and theoretical substantiation of the concluding theses.

Methodology to be used: The study will proceed from the Prague Linguistic Circle formulations about standard language, the linguistic situation and language planning, with an accent on the latest methodological discussions. The sociolinguistic approach to the language situation will be innovative, especially in the contrasting plan. The comparative approach, especially with a well described subject matter as the Czech one, will contribute to the objectivization and theoretical substantiation of conclusions. The Bulgarian analysis material will be excerpted on the move.

(1998) During the Bulgarian Renaissance the literary language is exposed to changes in its means (their selection and standardization) as well as the definition of its sphere of use (standardization of specific spheres of communication). This second similar type of standardization hasn't been paid attention to till moment. The study considers the principle consequences to which the definition (confinement) of the sphere of use of the literary language of today leads: The Renaissance dichotomy Written = Literary vs. Spoken = Non-literary (dialect) communication transforms into the dichotomy Standard (written, but a constantly expanding spoken also) = Literary vs. Non-standard (spoken, but with constantly expanding written, especially now) = Non-literary communication. This scheme is reflected by the understanding of the term Norm and its coding. Everything that is not in concord with the coded norm, written or spoken, is left outside the literary sphere. ... The interpretation of these phenomena requires precise definition of the two dichotomies: Standard / Non-standard and Literary / Colloquial by using the set of instruments of the communicative situations, cross points and the possibility to define and describe convincingly the development processes. ... It has to be defined by several facts: 1. The change in the traditional hierarchy in the language situation (the literary language is at the top of a pyramid, everything else is below) in which the literary language is acknowledged as the centre and the other language forms – as the periphery... 2. The adoption of a non-marked nature by Colloquial speech in situations, traditionally inherent to the sphere of Literary language (public spoken communication, press). 3. Loss of prestige by written sphere of communication thus ceasing to be a source for changes in the spoken sphere of communication. ...

² [Гладкова, Ликоманова 2002: 14, 15, 15, 18, 21, 25, 26, 28, 32, 32, 33, 34, 63, 113, 120, 126, 133, 133, 150, 151, 151, 164, 181, 370].

Раз уже спор идет вокруг филиации текстов, то нельзя не отметить, что со стороны Г. Нецименко мы были бы вправе ожидать более выверенный подход, а именно – цитирование по изданию ее книги 1999 года, поскольку издание 2003 г. автором характеризуется как «расширенное с внесением в текст некоторых коррективов и дополнений и с учетом новейшей литературы» [Нецименко 2003: 7]. В свете сказанного способ аргументации Г. Нецименко [Нецименко 2005: 76] представляется неубедительным.

Если же внесенные «некоторые» изменения, по ее собственным словам, кардинально не изменили существа теоретической концепции (рассмотрение теоретической главы действительно показало, что изменения реально не внесены), то закономерен вопрос, правомерна ли смена заглавия (без указания в выходных данных книги информации о первом издании 1999 г.). В этом плане показательно, как изменяется предмет изучения в первом абзаце «Введения».

уважительное, что не значит, однако, что наши взгляды обязательно совпадают. Следует подчеркнуть, что если, с другой стороны, наши взгляды местами и совпадают, то это объясняется тем, что в своих исследованиях мы описываем реальные процессы на основе современного освещения проблематики в славянском языкознании.

Кроме общих ссылок, в которых подчеркивается сходство или близость концепций, труд Г. Нецименко цитируется нами в частях, посвященных проекции коммуникативного пространства на языковую деятельность, бицентричности строения коммуникативного и языкового пространства (континуума по терминологии Нецименко), коммуникативной сфере (ареалом по терминологии Г. Нецименко), сущности регламента в стандартной сфере, носителю языка, норме, идее универсальности стандартного языка, соотношению функции (статуса) и субстанции (корпуса) стандартного языка. Как видим, эти места затрагивают **ключевые параллели** между нашей концепцией и концепцией Г. Нецименко (ср. [Нецименко 2005: 78]) и все нами сделанные ссылки отдают должное ее публикации³. Соотношение с концепцией Г. Нецименко мы, таким образом, никак не скрывали, а упоминали о нем везде, где исходили из конкретных положений ее книги, которые считали новаторскими.

На труд Г. Нецименко в своей работе мы ссылались при решении ряда терминологических вопросов (вкрапление, островные языки, регулируемое и нерегулируемое речевое поведение, коммуникативная сфера/ареал, речевые манифестации, этнический язык). Различия в терминологии свидетельствуют об отличии понятийного аппарата, а также отражают различия в концепции. Основные из них будут рассмотрены отдельно. Во всех случаях, однако, мы аргументировали наше согласие или несогласие с терминами Г. Нецименко, или же причины использования иного термина.

1.3. В трех случаях ссылки на труд Г. Нецименко затрагивают оценки языкознания социалистического периода. Контекст первой и второй ссылки связан с принципиально спорной идеей универсальности стандартного языка [Гладкова, Ликоманова 2002: 133, 164], вытекающей из стратификационного подхода к анализу внутреннего членения языка [Нецименко 2005: 75]. Контекст третьей касается описания современной русской языковой ситуации, включая взгляд на стандартный язык как первый код части носителей [Нецименко 1999: 129–152], причем анализ членения русского языка в книге Нецименко мы оцениваем как самый удачный. Наш анализ этих идей приводит к заключению о необходимости пересмотра теоретической базы при определении устной формы

Сравним. Так, в первом издании «Этнический язык» 1999 мы читаем: «В монографии рассматривается широкий спектр актуальных социолингвистических вопросов. **Центральное место в их ряду занимает фундаментальная проблема функциональной дифференциации этнического языка, входящая в состав комплексной проблемы языковой ситуации**» [Нецименко 1999: 3]; (выделение наше. – Г.Г., И.К.). В издании 2003 года «Языковая ситуация» иерархия названных проблем уже изменена: «В монографии рассматривается широкий спектр актуальных социолингвистических вопросов. **Центральное место в их ряду занимает комплексная проблема языковой ситуации, включающая в себя другую немаловажную проблему – функциональной дифференциации этнического языка**» [Нецименко 2003: 9]; (выделение наше. – Г.Г., И.К.). Далее текст следует без изменений. Необходимо подчеркнуть, что различия в нашей концепции и концепции Г. Нецименко исходят в значительной степени именно из того, что мы последовательно ставили себе целью описать языковую ситуацию, а функциональная дифференциация языка, представленная у Г. Нецименко в книге «Этнический язык» как коммуникативная модель членения этнического языка, рассматривается нами лишь как частная проблема.

³ Ср. такие формулировки, как: «следуя предложению Г. Нецименко» [Гладкова, Ликоманова 2002: 15], «сходимся с взглядами Г. Нецименко» [Там же]; «подтверждает уместность тезиса Г. Нецименко» [Там же: 25]; «впервые в теоретическом плане обратила на это внимание опять же Г. Нецименко» [Там же: 113]; «в целом подход Нецименко к славянской ЯСит наиболее близок к нашим взглядам» [Там же: 151].

СЯ и сферы его функционирования [Гладкова, Ликоманова 2002: 370]⁴. Как раз эти ссылки Г. Нецименко не считает, по-видимому, уместными, коннотируя их с формулировками, находящимися во Введении нашей книги [Нецименко 2005: 68–69]⁵.

Полагаем, что нет нужды оспаривать далекоидущие выводы Г. Нецименко, сделанные на основе наших оценок (например, насчет «призыва к введению цензуры» [Нецименко 2005: 69]). Одних заметок Г. Нецименко по поводу перипетий вокруг дискуссий о пражском структурализме [Нецименко 2005: 93] достаточно, чтобы лишний раз убедиться в том, что политические условия социализма в случаях идеологически важных для политического строя областей не позволяли свободному (т.е. также и альтернативного, ср. [Нецименко 2005: 67, 75] или, скорее, плюралистического) развитию теоретического аспекта научного мышления⁶.

---

⁴ Ср. также критические заметки по этому поводу в рецензии на книгу [Нецименко 1999; Sgall 2001].

⁵ Трём с половиной страницам нашего Введения [Гладкова, Ликоманова 2002: 10–12] в статье Г. Нецименко отведены почти три страницы текста, суть нашего подхода, однако, остается для читателя сокрыта. Основной упрек, повторенный и в заключительных абзацах статьи, делается на якобы **излишнюю политизацию темы**, которая проявляется в неизбежном (на наш взгляд) учете общеполитического и социального контекста трудов социалистического периода, что приводит (по мнению Г. Нецименко) к необоснованной критике языкознания как научной дисциплины. Однако ничего, о чем говорит Г. Нецименко применительно к нашей работе – «глобальной негативной оценки» современного состояния славистики, славянской социолингвистики, русского или же болгарского языкознания, «оскорбительного отношения к славистике», причем с «воинственной тональностью», с подменой профессионального анализа политическими констатациями (факт, опровергнутый самой Г. Нецименко тут же цитацией в следующем абзаце [Нецименко 2005: 69], «политико-идеологических обвинений» [Там же: 92] – в нашей книге нет. В этом можно легко убедиться на основании цитат, приведенных в статье Г. Нецименко [Нецименко 2005: 68–69], необходимо их, однако, читать в соответствии с контекстом книги.

Любопытно отметить, что, согласно Г. Нецименко, наша мнимая негативная оценка касается то современного состояния славистики, то славистики вообще [Там же: 92], то славянской социолингвистики [Нецименко 2005: 68], то русской лингвистики, то предшественников, повинных во всех грехах [Там же: 69], то российской науки, то советской социолингвистики, огромных заслуг и бесспорного международного авторитета которой мы, по-видимому, не признаем [Там же: 93].

Оставляя без комментариев тезис о «творном сотрудничестве чешских и русских ученых, прежде всего славистов, несмотря на политические перипетии» [Нецименко 2005: 93], сошлемся на новейшие анализы отношения к России и ее роли в чешской научной литературе [Šterný 1995] (изданный почти полвека после написания) [Vlček 2002; 2004]. Насчет мнения Г. Нецименко, что для Й. Добровского «...был русский язык языком великого народа, ...бывшего опорой для всех славян, народом освободителем» [Нецименко 2005: 88] – хочется только припомнить, что Добровский умер в 1829 г., ср. также [Vlček 2002]. Новейшие мнения насчет русофильства Добровского ср. [Vlček 2004].

⁶ Трудно представить себе, что языковая политика (а то, что в классической терминологии Пражской лингвистической школы (ПЛШ) называется языковой культурой, включает и элементы языковой политики, что отражено в дискуссиях об этих и других терминах) могла не быть предметом политики тоталитарного строя, а ее реализация подвластной идеологическому нажиму. Замечания, изложенные в статье Нецименко по этому поводу, являются сами по себе симптомом того, что рефлексия социалистического периода в языкознании отчетливо присутствует как важная тема прежде всего в чешской лингвистике. Симптоматично, что она сосредотачивается на пражском структурализме, поскольку именно он был предметом идеологических споров практически весь послевоенный период. Права Г. Нецименко в том, что самые разгоряченные дискуссии шли и идут вокруг идиомов *horovová čeština* и *obecná čeština*. Именно они, как правило, сопровождались анализом, апробацией и поиском теоретических постановлений Пражской лингвистической школы и их философских корней и идеологических истоков. Рефлексия отпечатков идеологических ограничений социалистического периода появилась в чешском языкознании сразу же после 1990 г., ср. [Novák 1990; 1991; Leška 1993; Starý 1995] и последующие дискуссии на заседаниях Пражского лингвистического кружка [Novák 1996] и др. Комплексный анализ развития теории языковой культуры в общем политическом контексте в чешском языкознании с позиции убежденного прескриптивиста, ср. в [Svřček 2006].

1.4. Список литературы в нашей книге содержит все заглавия, на которые ссылаемся в самом тексте (их 320). Список никак не претендует на роль «полного» [Нещименко 2005: 67]. Это публикации, с которыми мы реально и конкретно работали по ходу написания текста и которые цитируются на всех соответствующих местах, где использованы концепции, идеи, оценки, терминология, конкретный материал или где мы сочли необходимым для хода изложения обратить внимание на то, как понимаем данную концепцию или понятие мы и с какой дефиницией работают, в чем сходятся и разнятся позиции иных исследователей.

Сам список используемой литературы хорошо иллюстрирует тот факт, что наша концепция исходит из теории литературных языков, разработанной в рамках так называемой языковой культуры методами пражского структурализма, и из трудов программно исходящих из этой концепции ПЛШ (труды В. Барнета, Й. Вахека, Ф. Водички, Б. Гавранека, Е. Гаичовой, К. Гаузенбласа, С. Гержмана, Я. Гофмановой, Й. Гронека, Ф. Данеша, А. Едлички, Й. Корженского, Й. Крауса, К. Крейчи, В. Мареша, О. Мартинцовой, В. Матезиуса, В. Мацуры, О. Мюлеровой, И. Небеской, П. Сгалла, З. Старого, А. Стиха, О. Уличного, Й. Хлоупека, М. Чеховой, С. Чмейрковой, Р. Якобсона и др.).

Нашей целью было в рамках теории литературных языков сочетать социолингвистические принципы ПЛШ (структурный и функциональный подход) с современными методами социолингвистики (коммуникативный подход, ср. дальше нашу позицию относительно материала в нашей книге)⁷. Современная социолингвистика является основным источником нашей терминологической системы, которую подвергает критике Г. Нещименко. При подготовке отдельных глав мы сделали подбор источников неизбежно субъективный, который, по нашему мнению, охватывает все ключевые тексты для рассмотрения отдельных вопросов, ссылаясь на них и приводя также и соответствующую аргументацию. Упрек в наш адрес в том, что что-либо важное из научной литературы осталось за пределами нашего рассмотрения, принимаем⁸, но не можем, однако, согласиться с тем, что цитируемая литература не охватывает все затронутые в книге проблемы.

Теория ПЛШ занимает прочное, незыблемое место в славистике. Ее принципы настолько хорошо известны, что мы не сочли необходимым во всех местах, где приводим отдельные концепции или термины, поднимать всю историю того или иного частного вопроса. Истории взглядов ПЛШ посвящена солидная литература, ср. работы Вахека [Vachek 2005], для нас же самой важной публикацией стала книга И. Небеской [Nebeská

О воздействии политической обстановки на российскую славистику межвоенного периода (даже далеко еще не на уровне научных подходов, а на уровне человеческих жизней) см. из новейшей литературы [Робинсон 2004]. Неблагоприятные судьбы славистики в советской России (включительно и в послевоенный период) комментирует вкратце в своей информации о книге Л.П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX веке» (М., 2005) Иржи Мудра [Mudra 2006].

⁷ Ср., к примеру, из чешской литературы монотематические номера журнала Sociologický časopis / Czech sociological Review 38 (2002), 4 и особенно 42 (2006), 2 [Neustupný 2002], но тут можно привести также и длинный перечень хрестоматийных и энциклопедических источников. Из чешской литературы, например, и Г. Нещименко цитируемый [Slovník 2002: 432–433, 485–486, 237; Salzmann 1996: 109–123; Černý 1998: 69–70] (ср. также уже упомянутую монографию В. Цврка [Cvrček 2006]).

⁸ Книги «Проблемы славянской диахронической социолингвистики» (М., 1999) в пражских библиотеках до сих пор так и нет. Необходимо, однако, констатировать, что ее концепция коренным образом отличается от нашего подхода – это конкретные анализы определенных черт субстанциональной (корпусной) стороны нормы литературного языка, наш же труд представляет, как было сказано, опыт синтетического функционального (статусного) анализа. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, полностью оправдывает использование результатов аналитических материалов корпусных работ. Если бы мы знали о книге, разрабатывая свой текст, статья Г.К. Венедиктова непременно вошла бы в число использованных трудов, ср. зам. 9.

1996]. В ней со всеми подробностями рассмотрено, как развивались понятия норма и литературность. Характерным для этого описания, как и для других работ, включая и Лингвистический словарь Пражской школы, составленный Й. Вахеком [Vachek 2005], является то, что в трудах ПЛШ, особенно раннего периода, редко находим однозначные и исчерпывающие дефиниции отдельных понятий. В этом плане, полагаем, правомерно отметить, что раз уж и Г. Неццименко свои идеи базирует также на основе теории Пражской школы, то не должен удивлять тот факт, что, двигаясь в том же самом направлении исследовательского поиска и находясь на правильном пути, мы неминуемо приходим к параллельным, тождественным или близким суждениям и выводам о сущности описываемых явлений.

1.5. Еще одно обстоятельство, затрудняющее научную дискуссию, состоит в том, что статья Г. Неццименко не является рецензией на нашу книгу. Г. Неццименко таким образом может позволить себе **не обсуждать наш труд как единое целое**, а фактически останавливается (кроме Введения) лишь на теоретической главе нашего труда (с. 13–172). Она может **ни слова не упомянуть о научном вкладе** теоретической части (ср. 2). Таким образом, Г. Неццименко **вовсе не обращается к ядру нашего исследования – описанию болгарской языковой ситуации**. Практически полностью пренебрегая прикладными главами [Неццименко 2005: 68], которые представляют как исходную точку, так и цель нашего исследования, Г. Неццименко «не находит» иллюстративного материала для теоретической модели, предлагаемой в нашей книге. В теоретической главе **трудно представить иллюстративный материал корпусного** (по терминологии Г. Неццименко – «языкового») **характера**, которого ей не хватает⁹. Материал у нас представлен в прикладных главах, синхронной и диахронной, которые составляют примерно 60% всего текста (с. 173–425). **Характер этого материала подчинен концепции** всей книги, т.е. **социолингвистическому анализу языковой ситуации**. Целью описания является структурный и функциональный (т.е. статусный, по терминологии современной социолингвистики), а не субстанциальный (соответственно – корпусный) анализ языковой ситуации.

В этом заключается еще одна причина того, почему описание языкового пространства в нашем труде структурировано по типу коммуникации, так как именно функциональный подход предостерегает от априорных заключений по поводу конкретных языковых идиомов [Гладкова, Ликоманова 2002: 73–113].

---

⁹ В связи с этим нельзя не удивляться упрекам в том, что диахронный и синхронный материал не основывается на сходном корпусе языковых фактов [Неццименко 2005: 90]. Такая оценка выявляет некоторую неориентированность в возможностях диахронной социолингвистики. Источники диахронной информации могут собираться только на основе в письменном виде дошедшей до нас информации. Они носят двоякий характер, это статистические данные о сохранных до наших дней текстах и связанная с ними историческая информация, и метаязыковые высказывания по поводу языка, языковой практики и теории и пр., ср. по этому поводу нашу оценку болгарского языкознания [Гладкова, Ликоманова 2002: 176]. Основным же методом сбора материала синхронной социолингвистики являются опросы и анкеты.

Несостоятельно также мнение, что диахронная глава основывается не на прямых, а на косвенных источниках [Неццименко 2005: 86] – для социолингвистики прямыми источниками являются именно метаязыковые высказывания. Необоснованным представляется и упрек, что в книге будто отсутствуют данные лингвистических исследований, а используются лишь труды историков и литературоведов [Там же: 87]. Из языковедческих трудов, использованных в данной главе, хотелось бы упомянуть, хотя бы, труды А. Теодорова-Балана, К. Босилкова, К. Вачковой, Г.К. Венедиктова, М. Виденова, Е. Георгиевой, П. Гиля, Р. Гиляна, К. Гутшмидта, Е. Деминой, Ст. Жерева, Д. Ивановой, Н. Ивановой, Ц. Ивановой, В. Константиновой, Д. Лекова, А. Минчевой, В. Мурдарова, Х. Първева, Р. Русинова, Е. Солак, В. Станкова, Р. Цойнской и другие, среди которых немало выдающихся русских ученых.

Наконец, именно поэтому суть нашего изложения, касающегося принципов корпусного описания языка, сосредоточена в описании языкового пространства, конкретно в частях книги, в которых говорим о норме и вариантности [Там же: 126–146], разновидности и стиле [Там же: 147–172]. Сюда же относится и проблематика носителя языка [Там же: 113–125], ср. структуру описания языкового пространства [Там же: 73–74].

Нельзя согласиться с тем, что собственно языковая проблематика, в том числе и главная тема работы – языковая ситуация (*poimen est omen*) – занимает подчиненное положение, отступая на второй план [Нещименко 2005: 74]. Такое впечатление может возникнуть только тогда, когда теоретическое описание языковой ситуации редуцируется лишь на описание языкового пространства (функциональную дифференциацию этнического языка по терминологии Нещименко) и не уделяется должного внимания процессам на уровне коммуникативного пространства. Если же прикладные главы при оценке труда вообще не принимаются во внимание, о чем Г. Нещименко открыто говорит, то тогда, полагаем, не совсем уместно делать подобные обобщающие заключения.

2. Основной целью данной статьи является изложение нашей позиции в сопоставлении с теоретической моделью Г. Нещименко. Мы учитываем не только ее идеи (бинарность структуры этнического языка, взаимосвязь коммуникативного и языкового континуума), но **выстраиваем свою оригинальную интерпретацию языковой ситуации**: (1) в ней разграничивается коммуникативное и языковое пространство; анализируется воздействие коммуникативного пространства на языковое по принципу классического противопоставления *langue et parole*; (2) вводятся четкие принципы структуризации обеих плоскостей (коммуникативные параметры и факторы, соотношение структурной и стилиевой вариантности); (3) при анализе применяется структуралистическая теория признаковости (привативные и эквиполентные оппозиции); (4) объясняется процесс структурирования языкового пространства и функционирование этой структуры (соотношение языковых идиомов и типов коммуникации); (5) определяется принципиальное отличие нормы стандартного языка и нормы разговорных идиомов (селекция и комбинация); (6) как признак, свойственный сфере стандартного языка, выделяются символические функции; (7) во внимание принимается динамика развития языковой ситуации, т.е. учитывается и диахронный аспект (тип коммуникации для объяснения структуры языкового пространства в конкретном историческом моменте); (8) концепция исходит из анализа болгарской ситуации в сопоставлении с чешской; (9) итогом исследования, ведомого с учетом выше перечисленных принципов, являются оригинальные заключения, дефиниции, интерпретации отдельных элементов языковой ситуации (поверхностно, быть может, и схожие с концепцией Нещименко, но по сути отличные)¹⁰.

Позволим себе обратить внимание также и на принципы, введенные нами в описание языковой ситуации. При изложении будем использовать свою терминологию¹¹.

---

¹⁰ Это выражено в следующей оценке Г. Нещименко: «Впрочем, если бы они сохранили в своих схемах исконные надписи, имеющиеся в моей монографии, то тогда можно было бы говорить не просто о научной преемственности, а уже о чем-то совсем другом!» [Нещименко 2005: 80]. Дело вовсе не в других надписях, а в другом предмете и цели описания, в других понятиях, в других принципах описания модели и другой интерпретации схемы, которая сама по себе различается даже в основных чертах, ср. дальше. Что же делать, коллеги, с научной преемственностью?

¹¹ Таким образом мы поступали в своей книге. Замечания Г. Нещименко в этом смысле оправданы, эта заметка, даже на фоне приведенных ею примеров терминологических дискуссий и несомненного права автора на собственный аргументированный выбор терминологии [Нещименко 2005: 71–74], заслуживает внимания. При введении каждого нового термина мы, однако, стремились сопоставить наши понятия и термины с теми, которые находились нами в использованной литературе.

2.1. Необходимо отметить, что концепция бинарности структуры (этнического) языка и проекции коммуникативного пространства на языковое применяется в теоретических рассуждениях не только Г. Нещименко или нами. Ограничимся двумя примерами научных трудов, где оба принципа вполне отчетливо прослеживаются и в случае которых преемственность относительно концепции Г. Нещименко исключена.

Бицентричность строения коммуникативного и языкового пространства отчетливее видна в плане диахронии, не удивительно поэтому, что в приводимых примерах мы имеем дело с историей языка. Итак, воспроизведем бицентричную схему, опубликованную одаренным историком болгарского языка К. Босилковым [Босилков 1979], которая представляет болгарскую языковую ситуацию эпохи национального возрождения¹²:

Работа Босилкова цитируется в нашем труде [Гладкова, Ликоманова 2002: 39]. Полагаем, что дальнейшие комментарии излишни, просим обратить внимание на характеристику смежной периферии у Босилкова.

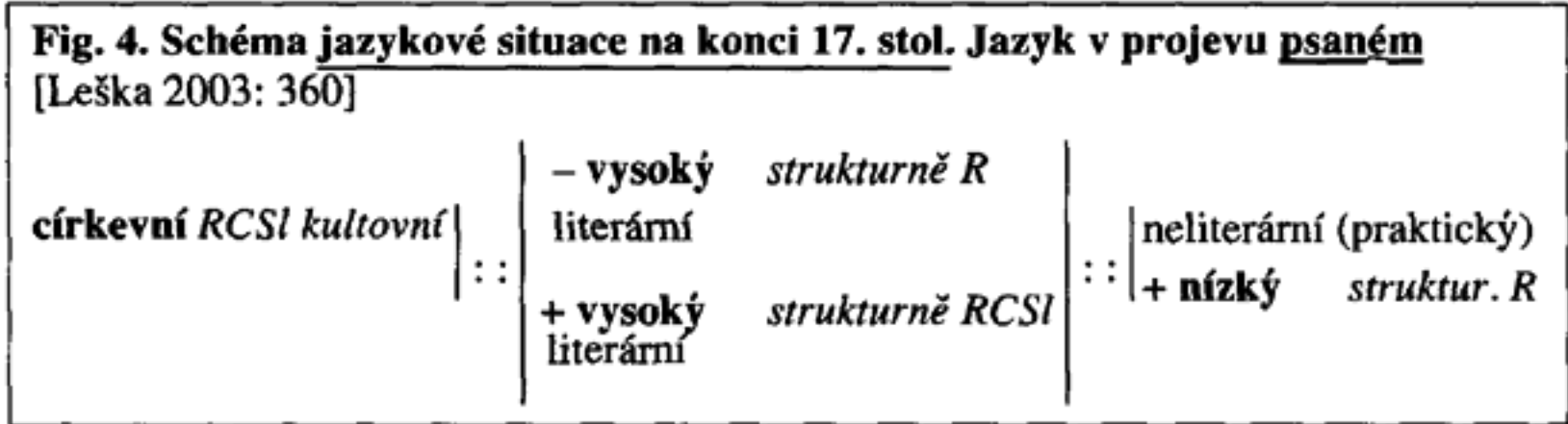
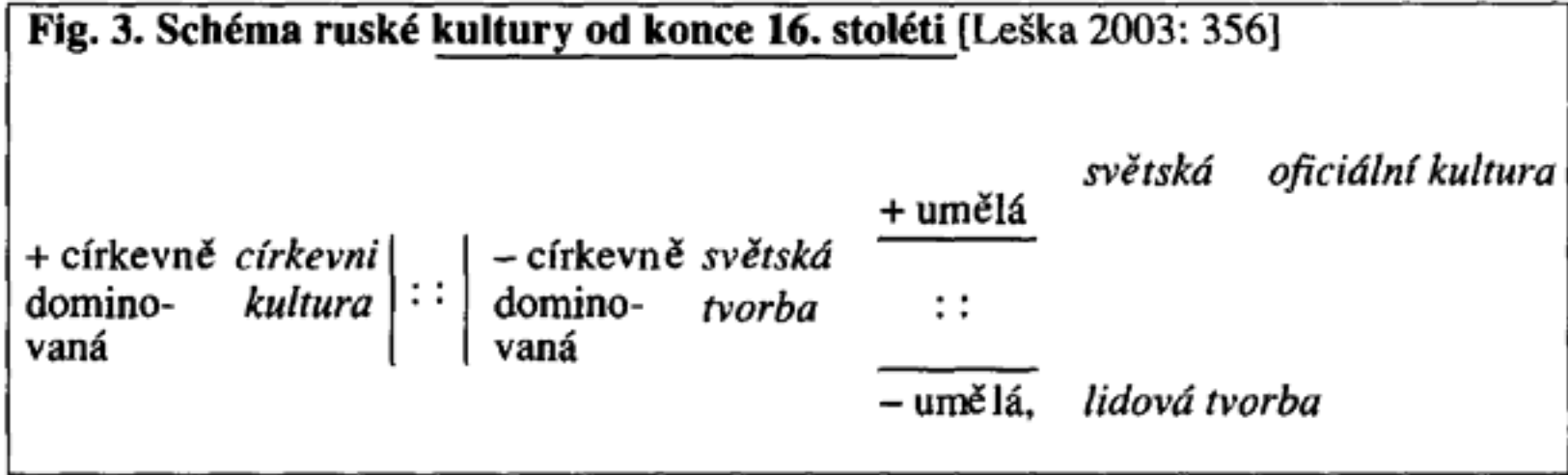
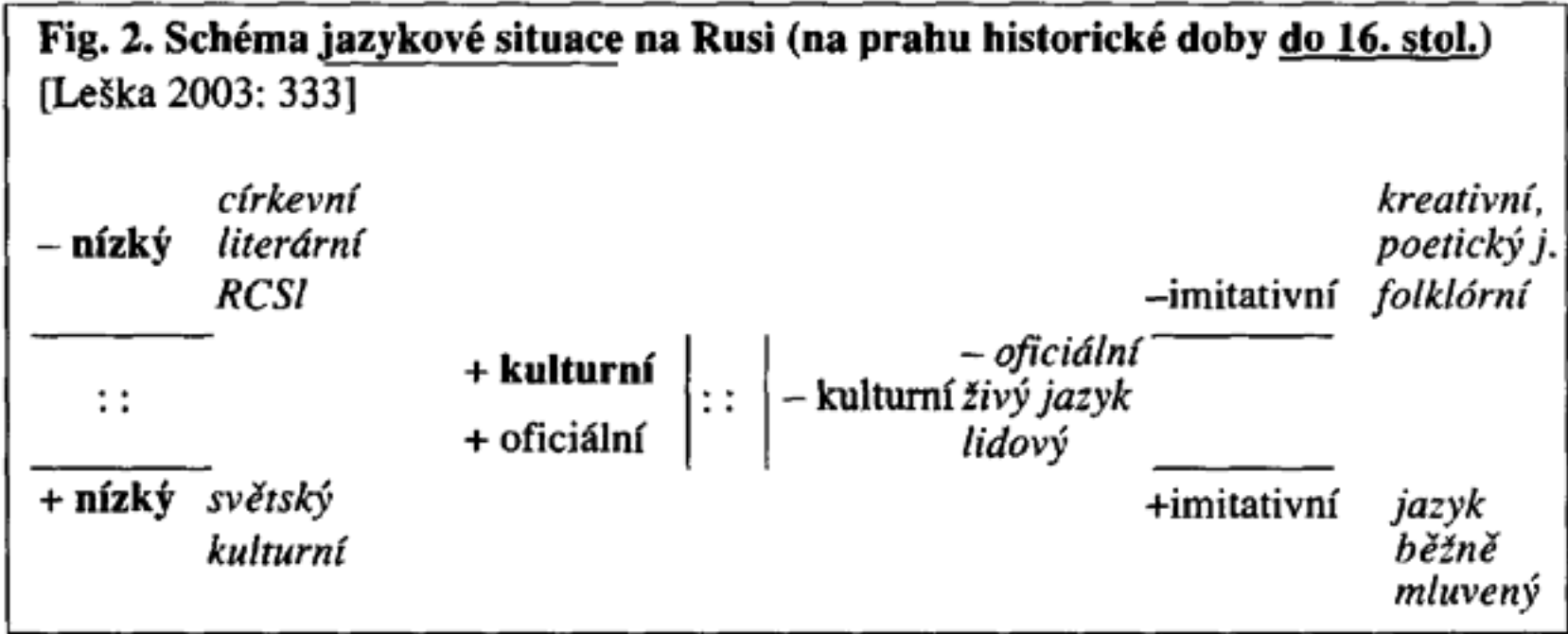
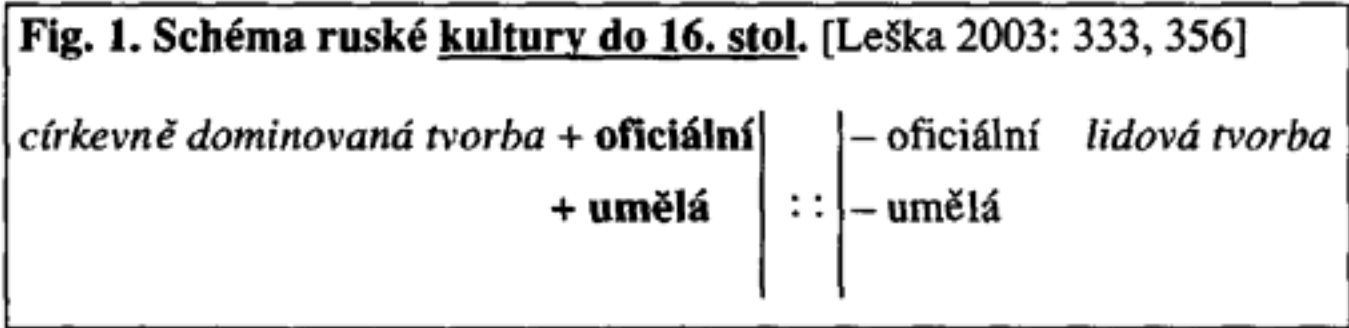
Раскроем еще раз использованную в книге систему аббревиатур, подвергнутую Г. Нещименко критике. Их, аббревиатур, всего лишь 9, что не так уж и много [Нещименко 2005: 67]. Для удобства читателей они приводятся в таблице в начале каждой главы. Так как эти термины целенаправленно составлены как система, мы надеялись, что их использование не затруднит особо понимание текста, а наоборот, подчеркнет системный характер модели.

КП	коммуникативное пространство	ЯП	языковое пространство	НЯ	национальный язык
КСф	коммуникативная сфера	ЯСф	языковая сфера	СЯ	стандартный язык
Ксит	коммуникативная ситуация	ЯСит	языковая ситуация	РР	разговорная речь

Одних только замечаний Г. Нещименко, связанных с нашим выбором термина **стандартный язык**, достаточно, чтобы продолжить славистическую дискуссию о нем (ср. также [Gladkova 2002]). В нашей книге, в диахронной главе, подробно аргументируется и использование термина **коллоквиальный язык** [Гладкова, Ликоманова 2002: 180–181].

¹² В схеме не воспроизведена внутренняя штриховка отдельных полей, не удалось также при помощи пунктира передать внутренние контуры в верхней части схемы (между вариантами).

Второй пример, на котором мы остановимся, – структуризация языковой и культурной картины в истории русского языка выдающимся чешским русистом и членом Пражского лингвистического кружка О. Лешкой [Leška 2003]¹³. Воспроизводим его схемы максимально близко к оригиналу, не переводя на русский язык:

¹³ Монография О. Лешки является первым систематическим исследованием русского языка во всей его широте (по словам автора [Leška 2003: XXV]), результатом продолжительного, кропотливого исследования. Книга, к сожалению, вышла с двадцатилетним опозданием, как отмечает издатель [Там же: XIX], уже после смерти автора в 1997 г. Текст, посвященный социолингвистическому анализу истории русского языка, находится в главе *Historické pozadí spisovné ruštiny a základní etapy jejího vývoje* [Leška 2003: 327–394]. Вызывает сожаление, что в России этот поистине эпохальный труд О. Лешки пока что остался незамеченным.

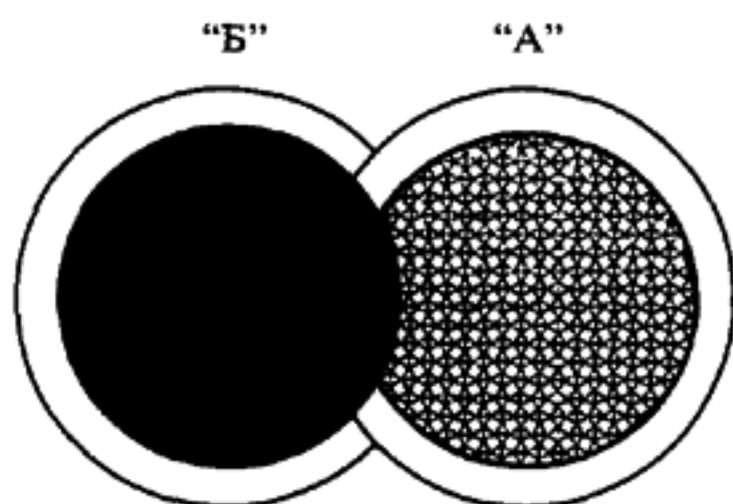
Fig. 4. Schéma jazykové situace na konci 17. stol. Jazyk v projevu mluveném
[Leška 2003: 360]

církevní <i>RCSI kultovní, s neuvoněnou, pevnou normou</i> :	– nízký kultivovaný : + nízký nekultivovaný	: : : :	elementární R kulturní jazyk :	městská mluva se zpevněnou normou a prvky nevysokých útvarů psaných (– vysoký) :
			RCSI jazyk + vysoký :	S uvolněnou výslovností, gramatickou a lexikální normou :
			městská mluva :	: :
			místní nářečí	

Соотнесенность схем культуры и языковой ситуации очевидна. Обратим внимание на применение структурного анализа привативных оппозиций.

Сравнив **схемы** моделей, предлагаемых нами и Г. Неццименко (см. ниже), становится очевидно, что они, в отличие от мнения Г. Неццименко [Неццименко 2005: 79], **принципиально различны**, и различия эти состоят не только в надписях (ср. зам. 20): (1) Кроме графического изображения соотношения коммуникативного и языкового пространства (континуума по терминологии Неццименко) видно, что языковое пространство расчленяется не острыми границами (полные линии), а контурами центра (прерывистые линии, сигнализирующие континуальность пространства). (2) Смежная периферия между двумя сферами (ареалами по Неццименко) не носит характер ни одной из сфер (цветовое обозначение у Неццименко), а является зоной нейтрализации (характеристика A^0 по отношению к привативной оппозиции $A^+ : A^-$, ср. дальше). (3) Смежная периферия ни в коем случае не затрагивает центры обеих сфер. (4) Изображение коммуникативного пространства позволяет нам при помощи цветовой гаммы изобразить представление о градуальном характере признаков, которые придают пространству воздействие коммуникативных параметров (ср. таблицу в приложении).

Приводим анализ нашей схемы, т.е. описание самой модели: «С этой целью мы работаем с основными понятиями, применяемыми в славистике особенно под влиянием Пражской лингвистической школы (ПЛШ) и способными расчленять коммуникативное пространство на более мелкие единицы, такие, как сфера, ситуация и соотносимые с ними понятия разновидность и функциональный стиль, но при этом стараемся избегать необоснованных характеристик, которые им приписываются противниками новой терминологии (замкнутость, несовместимость, взаимозаменяемость, ср. [Неццименко 1999: 56]) и тем самым создают теоретический и практический разброс оценок. Мы считаем

Коммуникативная модель

А – подсистема регулируемого речевого поведения

Б – подсистема нерегулируемого, с низкой регулируемостью речевого поведения

Схема коммуникативного и языкового пространства по [Гладкова, Ликоманова 2002: 16]

необходимым попытаться ввести единую терминологию в целях создания предпосылок для дальнейшего сопоставительного анализа функционирующих в славянских странах стандартных языков» [Гладкова, Ликоманова 2002: 14].

КСф – элемент частного деления КП по классической дефиниции ПЛШ (ср. [Барнет 1988б: 174–175, Едличка 1988а: 44]) для специализированных типов коммуникации, определенными общими параметрами функционально-коммуникативной деятельности (ср. функционально-коммуникативную сферу у [Едличка 1988б: 104] или же ситуативно-функционально-коммуникативную сферу [Там же: 141–142]). КСф здесь используется нами только как родовое понятие, т.е. абстрактно-теоретический конструкт. Этот термин, по словам Г. Нещименко [Нещименко 1999: 34], уже занят, но мы хотим подчеркнуть, что это понятие, судя по публикациям [Аврорин 1975; Никольский 1976; Vagner 1977], осталось до сих пор неразработанным и довольно нечетким. Мнения упомянутых авторов, хотя и схожи, но не только не совпадают, но и во многом расходятся, учитывая разницу в терминологии, например, в принципах выделения КСф или в перечне окончательного числа КСф (см. об этом [Едличка 1988б: 141–142]). С расхождением трактовок связано перекрещивание и смешение социально-коммуникативных и лингво-коммуникативных критериев выделения КСф. Это лишний раз убеждает нас в правоте новой дискуссии на эту тему.

Принципиальный постулат о выделении КСф на основе общих функциональных признаков¹⁴ коммуникативной деятельности остается в силе, более того, мы считаем, что

¹⁴ О понятии ср. ниже.

КСф является ключевым социолингвистическим понятием, и соотносим его непосредственно и только с коммуникативными параметрами¹⁵ в соответствии с представлениями ПЛШ.

В научной литературе обыкновенно принимаются во внимание лишь крайние полюсы действия коммуникативных признаков (например, равнопоставленность/неравнопоставленность коммуникантов). Мы, однако, считаем, как уже было упомянуто выше, что расстояние между этими полюсами носит г р а д у а л ь н ы й х а р а к т е р и образует переходную область, которая, по сути дела, является немаркированной по отношению к обоим маркированным полюсам (воздействие данного параметра на коммуникативное поведение минимализируется вследствие нейтрализации, снятия противопоставления обоих признаков данного параметра). Это оправдывает целесообразность введения понятий ц е н т р и п е р и ф е р и я. Ослабление воздействия признака данного коммуникативного параметра приводит и к ослаблению типичных для него черт коммуникативного поведения и к возможности интерференции с коммуникативным поведением, характерным для обратного признака. Даже такая резкая и, казалось бы, однозначная граница, как граница между устной и письменной формой общения, в последнее время, благодаря использованию для коммуникации технических средств, размывается (введение понятия фиксированности текста, также вторичное функционирование признаков). Это положение подтверждает идею континуальности КП.

Характер отдельных коммуникативных ситуаций, в свою очередь, может совпадать по одному или нескольким признакам с другими КСит, образуя уже более общие элементы КП. Один и тот же коммуникативный признак рефлектируется в однотипном поведении в различных ситуациях, образуя сферу функционирования данного признака. Такое явление мы называем коммуникативной сферой. Результатом функционирования коммуникативного признака является определенное внутренним регламентом коммуникативное поведение (на уровне языка – нормой), которое для соответственной КСф является типичным: немаркированным по отношению к данной КСф, но по отношению к КП как одному целому, и особенно к КСф противоположного признака – маркированным.

Каждая отдельная сфера соотносится в рамках КП со сферой функционирования оппозиционного по данному параметру признака. Каждая пара сфер, соотносимых по признакам, присуща одному параметру, и теоретически должна охватить все КП, образуя два центра и две периферии.

Периферии соотносимых КСф, которые находятся в зоне, где данные КСф соприкасаются или пересекаются, образуют зону нейтрализации проявления типичных признаков коммуникативного поведения в данных КСф (см. схему). В этой зоне усиливается возможность использования средств коммуникативного поведения обоих типов без дополнительных коннотаций (это «смешанное» поведение оценивается как нормальное, нейтральное, непризнаковое, что дает нам право акцентировать в нем различия не в «происхождении» тех или иных черт из одной или другой сферы, а именно в их однообразном с точки зрения коммуникации функционировании).

Периферии же на другой стороне от центра КСф (более отдаленной от центра КП) отличаются не только от другого полюса (от КСф с обратным признаком), но и от центра собственной сферы более высокой частотностью (более) признаков средств и – в чем мы усматриваем их периферийность по отношению как к целому КП, так и к данной КСф – заниженной способностью (и даже, по всей вероятности, неспособностью) сочетаться со средствами с обратным знаком по данному признаку или со средствами с обратным знаком по другим параметрам (возможность выбора языковых средств в юрисдикции: формулировки законов и других юридических текстов отличаются ярко выраженными чертами стандартности, в них используется книжный стиль). Для сравнения укажем на аналогичную схему, описывающую ситуацию создания болгарского

¹⁵ О понятии ср. ниже.

стандартного языка из двух стихий – книжной и народной – у К. Босилкова в [Исследования 1979: 41].

Отдельные пары сфер могут быть выделены на основе одного параметра (определенное коммуникативное поведение характеризует, например, официальную и неофициальную сферу коммуникации) или на основе комбинации параметров и соответственно признаков (например, разница в коммуникативном поведении по выше приведенным признакам углубляется, если они сочетаются с признаками публичность/непубличность и еще больше, если они сочетаются также и с признаками подготовленность/неподготовленность – все с соответствующим знаком + / –).

Таким образом, КСф могут иметь характер разного порядка, пересекаться (например, сфера письменной коммуникации может частично пересекаться со сферой интерперсональной коммуникации) или наслаиваться (сфера разновременной коммуникации будет частично совпадать со сферой подготовленной коммуникации). Такое наслаивание, очевидно, приводит к поведению, в котором чувствуются центростремительные тенденции, воздействие данного свойства, регламентированность (императивность регламента) поведения усиливается, придавая коммуникативному поведению черты, все более типичные для данной сферы. Определенная концентрация совпадающих признаков создает более четкие контуры коммуникативного поведения.

И, наоборот, разница в поведении между обоими полюсами будет уменьшаться в комбинации признаков с обратным знаком (например, официальная непубличная неподготовленная коммуникация). Воздействие признаков с обратным знаком нейтрализуется, и в поведении, определенном таким сочетанием, будут чувствоваться тенденции, центробежные по отношению к типичному поведению: оно будет восприниматься как менее признаковое для данной сферы, как периферийное (в рамках теории ПЛШ воспользуемся и понятиями слабая и сильная позиция данного признака).

Исключением являются выше упомянутые различные от остальных признаки, (не) знание норм коммуникативного поведения, соотносимое с параметром коммуникативной компетенции. Их особое положение вытекает из того, что они являются свойствами, которые характеризуют участников коммуникации как таковых, т.е. они приобретены вне конкретной КСит, коммуникативная компетенция вступает в конкретную КСит как фактор, не порожденный ею самой, но определяющий саму коммуникацию существенным образом. Соотношение этих признаков имеет эквиполентный характер – их необходимо интерпретировать как оппозицию $A^1 : A^2$, т.е. (не)знание норм коммуникативного поведения в регламентированной сфере : (не)знание норм коммуникативного поведения в нерегламентированной сфере. Присутствие/отсутствие данного признака характеризует по отдельности обе сферы и кажется признаком абсолютным.

Итак, КП, не теряя своего континуального характера, приобретает вид рельефного ландшафта, в котором наблюдаются отдельные центры (пики) и постепенные переходы (впадины) от одного центра к другому. При этом отдельный центр может быть выделен на основе доминирования только одного признака.

Как было показано в схеме, признаки отдельных параметров расположены в КП в одном направлении таким образом, что каждый из параметров распределяет КП на две относительно обособленные функциональные подсистемы (с самым высоким пиком). В основе характеристики каждой из этих двух подсистем, как показано в таблице, лежит один из полюсов теоретически всех признаков с тем же знаком «+» или «–». Иными словами, поляризация КП является результатом тенденции, когда в одном направлении собираются коммуникативные признаки с тем же знаком. Дифференциация КП, таким образом, характеризуется биполярной структурной упорядоченностью. По направлению к центру каждой из двух подсистем КП число определяющих параметров и интенсивность проявления отдельных признаков нарастает, что находит свое отражение в повышенной мере требовательности соответствующего коммуникативного поведения.

По направлению к смежной периферии этих подсистем наблюдается противоположная тенденция – к меньшей мере требовательности соответствующего коммуникативного поведения и к менее четко определенному регламенту, т.е. к возможности более непризнакового, нейтрального по отношению ко всему КП поведения или даже к использованию средств, типичных для обратной подсистемы («смешанное» поведение).

По направлению к периферии на противоположной стороне предполагается углубление признаковости поведения (например, большей частотностью или же более яркой выраженностью ее). Характерным проявлением того, что эта часть КСф является периферийной, является факт, что присущее ей коммуникативное поведение используется в ограниченных и совсем специфичных случаях «сверхпроявления» признака (ср. к примеру, формулировку «za hranicí běžné spisovnosti pokračují prostředky archaické...» [Čechová 1996: 25]). Таким образом, принцип функционирования этой «общей» сферы абсолютно соответствует влиянию на коммуникативное поведение в рамках каждой отдельной «частной» сферы. Такая интерпретация, кстати, дает возможность более четко объяснить положение отдельных КСф именно по отношению к одному из двух «общих» центров.

Если вернуться к мнению Г. Нецименко, которая для описанной «общей» сферы вводит понятие коммуникативного ареала, с помощью применения которого намечает членение КП на коммуникативные единицы более высокой степени абстракции. С тем, что уровень выделяемых коммуникативных единиц, расчленяющих КП, может быть различным, мы согласны, и в нашей схеме очерчиваются два центральных пика более высокого ранга. Но одновременно надо задаться вопросом, отличается ли принцип выделения коммуникативного ареала от выделения КСф. На наш взгляд, системного, качественного различия не намечается, поскольку выше описанные наслоения могут иметь многоярусный вид. Разница состоит не в качественном, а в количественном показателе, и, соответственно, нет необходимости вводить лишний термин (или термины). Бифокусную организацию КП с функциональной точки зрения выгоднее описать на базе КСф именно с помощью понятий центр и периферия, поскольку так можно избежать представления о четком размежевании КП, которое, по нашему убеждению, не соответствует действительности.

Тезис Г. Нецименко о том, что теоретическая концепция нашей книги не оригинальна, на наш взгляд, несостоятелен. Мы убеждены, что ни в коем случае нельзя говорить о каком бы то ни было заимствовании ее концепции [Нецименко 2005: 78]. Все различия между нашими моделями, а они затрагивают самые существенные черты, неправомерно интерпретировать как «деформации», «видоизменения» или же «искажения». Они являются результатом другой оценки реальных явлений и результатом осмысления теоретических установок ряда ученых. Что касается того, удалось нам или нет описать языковую ситуацию, соблюдая структурный и функциональный подход [Нецименко 2005: 75], стоит заметить, что моделирование должно служить более четкой ориентации в коммуникативном и языковом пространстве, но ни в коем случае не должно упрощать общую картину. Мы стремились к тому, чтобы создать инструментарий, при помощи которого можно было бы описать явления языковой ситуации, учитывая как реальные процессы, так и основные ее контуры. Остановимся подробно на самых важных.

2.2. Мы сочли оправданным заменить термин (не)регулируемое¹⁶ речевое поведение термином (не)регламентированная (с точки зрения коммуникативного поведения) сфе-

---

¹⁶ Обширная полемика по этому поводу [Нецименко 2005: 80–82] вызвана тем, что Г. Нецименко отказывается принимать во внимание нашу точку зрения и спорит с нашими установками на основе своей дефиниции термина. Тот факт, что мы ставили себе целью описать языковую ситуацию как комплексное явление, а не исходили только из ракурса членения этнического языка, привел нас к необходимости более четкого разграничения явлений языкового и коммуникативного пространства, ср. описание нашей модели в 2.2 нашей работы и таблицу в Приложении к ней. С этим Г. Нецименко может не соглашаться, но оспаривать наши положения на основании собственной дефиниции, на наш взгляд, представляется не совсем корректным.

ра, считая, что он более удачно передает сущность этой оппозиции: в ней на основе коммуникативной деятельности общества, т.е. традиции, консенсуса, нормы, р е г л а м е н - т и р о в а н определенный тип коммуникативного поведения, который заставляет коммуниканта по возможности (и по желанию) подчиниться этому регламенту или, по крайней мере, считаться с ним, регулировать свое поведение. Регламент – это объективно существующее требование коммуникации, атрибут данной сферы, регуляция же – параметр индивидуального поведения, вопрос субъективной интенции коммуниканта (не подчиняясь данному регламенту, он не отрицает его воздействия на коммуникацию, а ставит себя в особое положение со всеми вытекающими последствиями для коммуникации). Принципы функционирования регламента и его характера описываются в других частях этой работы (см. раздел о перформанции).

Очевидно, что в одной из сфер этот регламент слабее, он не так категоричен, так что эту сферу можно характеризовать отсутствием такого признака как н е р е г у л и р у е - м а я, н е р е г л а м е н т и р о в а н н а я сфера. Этот термин оправдан с точки зрения того, что в данной сфере свобода выражения достигает своего максимума. Поведение, не соблюдающее регламент, воспринимается в коммуникативной сфере нерегламентированного поведения как нетипичное, признаковое, точно так же, как отступления от регламента в регламентированной сфере (например, использование стандартного языка в повседневной устной коммуникации молодежи носит сильно отрицательный коммуникативный эффект, или же использование диалекта в условиях столичного повседневного устного общения носит определенные отрицательные коннотации, см. [Виденев 1993]. Различие обеих сфер заключается не в присутствии или отсутствии коммуникативного регламента, а в его характере, т.е. в проекции на ЯП – в характере нормы речевого поведения, конкретно в черте, названной нами в з а и м о о б у - с л о в л е н н о с т ь и в з а и м о п р и е м л е м о с т ь нормы. Данного противоречия, впрочем, не решает и термин Нецименко: речевое поведение также регулируется в обоих ареалах, но регуляция в ареале нерегулированного поведения, кажется, отсутствует, поскольку норма носит другой характер [Гладкова, Ликоманова 2002: 25–26].

2.3. Коммуникативное пространство описывается нами в соответствии со структурой коммуникативного акта и коммуникативной ситуации Р. Якобсона [Якобсон 1989]. В описании структурной модели мы исходим из общепринятой схемы коммуникативного акта Р. Якобсона [Гладкова, Ликоманова 2002: 41–55]. Это позволяет учесть не только статус адресанта и адресата, но и принять во внимание остальные компоненты коммуникации: код, сообщение, контекст, контакт, – с целью более объективно обосновать выводы о доминирующих речевых параметрах и компонентах в современной языковой ситуации (ср. другую проекцию, например, у Виденова и Уличного [Виденев 1990; Uličný 1998]. Релевантный набор коммуникативных параметров, а не инвариантные представления о разновидностях языка, способен объективно интерпретировать речевое поведение коммуникантов в конкретной ситуации и системный принцип функционирования языковых средств, создающий структуру национального языка. Схема Якобсона постулирует акцентируемую нами функциональность как основной принцип построения схемы, предложенной нами, а кроме того, предлагая свою точку зрения, позволяет нам остаться в русле ПЛШ. (Ср. [Едличка 1988: 41] о связи проблематики языковой ситуации с теорией коммуникации. Вызывает удивление тот факт, что данный тезис до сих пор остался не достаточно разработанным [Гладкова, Ликоманова 2002: 14].)¹⁷.

2.4. Членение КП и ЯП в духе пражского структурализма подвергается четкому структурному анализу, что отчетливо видно и в пассаже в п. 2.2 нашей работы.

Коммуникативные параметры находят отражение в ЯП в форме как привативных, так и эквиполентных оппозиций, которых большинство¹⁸. В отличие от коммуникатив-

¹⁷ См. таблицу в приложении к статье [Гладкова, Ликоманова 2002: 15].

¹⁸ Ср. таблицу в приложении.

ных параметров, которые имеют преимущественно характер привативных оппозиций с признаковым и непризнаковым членом, преобладающее большинство языковых параметров противопоставляется в регламентированной (стандартной) и нерегламентированной (разговорной) языковой сфере как эквиполентные признаки градуального характера: они идентичны по своей сущности в обеих сферах, но соотнесены с различным кодом, который функционирует в них как основной (о ситуации в разговорной сфере, конкретно о положении диалектов см. ниже). Это подтверждает наш тезис о том, что основное различие между этими двумя сферами лежит в характере регламента коммуникативной плоскости (в ЯП – нормы), а не в принципиальном субстанциальном или функциональном противопоставлении самих разновидностей.

Привативные оппозиции на плоскости ЯП (например, вынужденность / спонтанность речевого поведения, (не)экономичность, (не)контролируемость речевого поведения), так же, как все привативные оппозиции на плоскости КП, противопоставляются крайними полюсами и образуют смежную зону нейтрализации [Гладкова, Ликоманова 2002: 60–61]¹⁹.

2.5. Важной в нашей концепции считаем идею объяснения признаковости сферы регламентированного коммуникативного поведения на основе символических функций, теории, выдвинутой в славянском языкознании П. Гарвином [Garvin 1959], в более развернутом виде она представлена, например, в [Gladkova 2002].

Символические функции стандартного языка (интеграция, дифференциация, репрезентация и референция) являются репрезентантом культурных потребностей данного общества на определенном этапе его развития, и их проявление зависит не только от их возникновения, но и от их осознания и рефлексирования в обществе, т.е. обусловлены субъективным фактором.

Опосредствованность соотношения этих функций с первоначальной – коммуникативной – очевидна, а их взаимовлияние таким образом субъективировано. Разная природа коммуникативных и символических функций проявляется в различного типа мотивах выбора отдельных элементов регламента. В случае коммуникативной функции как единого средства общенационального общения нужно, однако, исходить из ее двоякой природы, поскольку она обладает и символическим значением. Схематически

---

¹⁹ Чтобы показать различия по отношению к концепции Нецименко, позволим привести пассаж об интерпретации смежной периферии обеих коммуникативных сфер и критике понятия смешанных текстов, с которым работает и Г. Нецименко, несмотря на то, что от границ между коммуникативными сферами отказывается. Этот пассаж может послужить еще одним примером того, что мы стремились последовательно оперировать всеми тезисами, вытекающими из нашей концепции: «Понятие границ КСф приводит к понятию смешанных текстов и промежуточных образований (ср., например [Крысин 1989: 31]). На наш взгляд, такие понятия исходят именно из представления о дисконтинуитете КП и соответственно языкового пространства. Интерпретация так называемых смешанных текстов – вопрос поиска не субстанциальных, как это обычно принято делать, а функциональных характеристик: смешанный текст различным образом в различных сферах противопоставляется чистому тексту в зависимости от того, на фоне какого для данной КСф типичного речевого поведения его надо рассматривать. Чистый текст... на практике не существует, соответственно, по нашему мнению, нет необходимости говорить и о смешанных текстах. Можно говорить лишь о том, насколько данный текст уходит от центра данного регламента (нормы) речевого поведения и насколько такое поведение является типичным для данной КСф, и насколько оно допустимо (функционально), т.е. насколько требовательность данного регламента ослаблена в силу снятия основного противопоставления коммуникативных признаков данного параметра (параметров). С функциональной точки зрения целесообразно, что, кстати, признается этими же авторами, считаться с абстракцией чистой разновидности (субстанциальной и функциональной), которая, очевидно, функционирует в языковом сознании каждого коммуниканта как *tertium comparationis* (референтное поведение), с которым он сравнивает поведение свое и других коммуникантов в данной КСф. Но тут мы приближаемся к понятию нормы» [Гладкова, Ликоманова 2002: 32–33].

можно, видимо, противопоставить созидающий, креативный, продуктивный, открытый принцип строения нормы, присущий всякому коммуникативному средству на основе коммуникативных функций, и ограничивающий, селективный, субъективированный и, особенно в фазах становления норм СЯ, непродуктивный принцип, основанный на символических функциях.

На этой основе можно объяснить динамику развития норм СЯ. В разные периоды преобладают различные принципы выбора нормы: коммуникативные уступают символическим (периоды роста пуризма, например), и, наоборот, в зависимости от конкретных исторических условий развития нации в данный период. Такое развитие в свою очередь находит отражение в акцентах языковой культуры (от индивидуальных споров об уместности того или иного средства до синтетичного функционального описания структуры СЯ).

Выполнение стандартным языком символических функций создает представление о более высоком статусе СЯ, который потом механически переносится и на выполнение им чисто коммуникативных функций. Более высокий ранг СЯ в прошлом определялся скорее сферой его функционирования (ср. главу о культурной коммуникации, 1.7.2). Он подкрепляется и требованием его обработанности (а также и другими чертами – своеобразностью, необычайностью в обиходном общении), которое с древнейших времен определяло его место в иерархизированном представлении о мире, и в частности, о языке. Таким образом, решение вопроса, занимает ли СЯ в структуре языка более высокий ранг, чем другие разновидности, имеет два измерения: с точки зрения коммуникативных функций, очевидно, для такого определения нет оснований (по крайней мере, в настоящий период), но с точки зрения развития языковой ситуации, в особенности связанной с социальными коннотациями сферы его функционирования, такое субъективное восприятие его места находит оправдание. Ответ на данный вопрос, однако, зависит также и от того, разновидность какого типа противопоставляется СЯ в другой, нерегламентированной сфере, поскольку недопустимо интерпретировать развитие только одной сферы без учета контекста всего ЯП. В настоящее время социально и территориально СЯ противопоставляется все более универсализированной разговорной речи (РР), которая способна конкурировать с СЯ там, где символические функции неактуальны.

Регламент поведения в дальнейшем начинает функционировать не как средство символических функций, а как традиционно установленный регламент данного типа поведения в строго определенных КСит. Процессу ритуализации коммуникации в данной сфере способствует, конечно, и сама сущность символических функций (см. раздел 1.7).

Принцип выбора средств объясняется не только (а порой даже не столько) коммуникативными потребностями, а соответствием с другими функциями. Мы назвали этот принцип принципом взаимобусловленности: в качестве средства коммуникации здесь допускаются только такие способы выражения, которые сами являются носителями признака данной сферы или не противоречат ему, являясь нейтральными. Средства, которые становятся носителями коммуникативных признаков с обратным знаком, но по тем или иным причинам коммуникативно необходимы и выгодны и в данной сфере, проникают в нее, только преодолевая (нейтрализуя) именно это ограничение. Здесь проявляется роль субъективного фактора: в сущности, борьба между коммуникативными потребностями и постепенно формализованными качествами регламента, которые вызваны присутствием в исходной фазе символических функций языка, – это и есть ось развития нормы СЯ [Гладкова, Ликоманова 2002: 34–38].

2.6. Все вышеприведенное о норме в регламентированной сфере продолжим характеристикой регламента в сфере нерегламентированного речевого поведения с целью особо подчеркнуть нашу трактовку сути самой нормы при помощи понятий **селекция (взаимобусловленность)** и **комбинация (взаимодопустимость)** с учетом взглядов Р. Якобсона.

Сферу, в которой категоричного давления регламента не ощущается, мы условно называли *нерегламентированной*. Контроль речевого поведения в ней не заставляет участников коммуникации расходовать так много энергии, как это происходит в предыдущем случае, чтобы вести себя сообразно регламенту. Но дело не в отсутствии регламента вообще, а в том, что поведение участников коммуникации в этой сфере как бы «естественно», спонтанно, оно формируется благодаря речевому опыту в процессе ежедневной коммуникации. Регламент этого типа общения является естественным следствием повседневной коммуникации, соответствуя на разных этапах ее характеру и потребностям (ср. богатство разновидностей языка, обслуживающих ее на разных этапах развития общества и в разных условиях), и отражает, прежде всего, чисто коммуникативные потребности. Его требования меняются плавно, со скоростью, копирующей динамику социального развития общества, используя все доступные источники средств выражения.

В силу этого он основан на принципе, названном нами *взаимосовместимость* средств выражения в отличие от взаимообусловленности, заложенной в регламентированной КСф; в данную сферу «допускаются» все средства, которые необходимы и выгодны с точки зрения потребностей повседневной коммуникации. Никакая другая характеристика (происхождение, структура, оригинальность, исконность и пр.) не ограничивает такой выбор. Общество никогда не подкрепляет функционирование этого регламента институционально. Формальные «недостатки» здесь компенсируются ситуативной закреплённостью коммуникации. Но о том, что регламент существует и здесь, свидетельствуют случаи коммуникативных затруднений или же срыва коммуникации вследствие недопустимости в данной сфере речевого поведения другого типа (отрицательная социальная маркированность использования СЯ в КСит, в которых такое поведение не предполагается).

Разница в сущности регламента по сравнению с первой описанной сферой заключается в следующем: в данной сфере отсутствуют другие, кроме коммуникативных функций, она не поддается соответственно давлению формализованных условий коммуникации, что в свою очередь не приводит к необходимости создавать для его соблюдения какую-либо институцию. Здесь не функционирует кодификация или другое средство эксплицитной нормы, речевое поведение можно оценивать лишь с точки зрения достижения коммуникативной цели. Объективизировать данный регламент (и управлять им) нет необходимости, поскольку соответствие речевого поведения с ним вытекает из естественной взаимосвязи между формой и функцией языка как коммуникативного средства [Гладкова, Ликоманова 2002: 38–40].

3. НАШИ ПОЗИЦИИ ПО ОСНОВНЫМ ПУНКТАМ, КОТОРЫЕ В СТАТЬЕ Г. НЕЩИМЕНКО ПОДВЕРГАЮТСЯ КРИТИКЕ

3.1. Соотношение коммуникативного и языкового пространства. ЯП рассматриваемого периода характеризуется теми же чертами, что и КП: оно континуально, рельефно, с плавными перепадами и четкими пиками. Его членение соответствует членению КП по коммуникативным параметрам, которые находят свое отражение как *параметры языковые*: в нем противопоставляются два вида речевого поведения, очерчивая контуры двух центров с перифериями, которые в смежной части образуют зону нейтрализации типичных языковых признаков этих видов поведения. В центрах обеих сфер зарождаются две основные разновидности языка, названные нами *стандартная* и *разговорная* [Гладкова, Ликоманова 2002: 66]. В нашей работе нигде соотношение коммуникативного пространства и языкового пространства не характеризуется как *зеркальное* [Нещименко 2005: 70]. Это было бы в полном противоречии с принципами, которые мы вводим для описания. Наоборот, соотношение КП и ЯП, подвергаемое тщательному анализу, отсылает к терминам *социум – социолема – лингвема* Ю.Д. Дешериева, *социальный коллектив – языковой коллектив* А.Д. Швейцера.

Динамика изменений КП переносится на ЯП с опозданием и не механически. Само ЯП отличается другой скоростью восприятия изменений, чем КП: ЯП отличается в сравнение с КП консервативностью и не копирует точно все изменения КП. Можно говорить о тенденции сохранения за языковыми признаками характеристик, соответствующих первоначальным коммуникативным признакам, воспринимаемых в данной функции как типичные. Процесс дифференциации КП (воздействия дополнительных признаков) не находит точного отражения в ЯП. К примеру, сфера регламентированного поведения создавалась в языковой коммуникации первоначально как сфера письменного (официального, формального, публичного, однонаправленного и пр.) общения, языковые средства соответствовали этой функции, а со временем она охватила частично также и сферу устного, неоднаправленного общения, сохраняя, однако, отпечаток своей первоначальной функции: языковые средства, свойственные новой коммуникативной функции, прокладывают себе путь постепенно, сталкиваясь с консервативностью уже принятой нормы. Такое опоздание особенно сильно проявляется в регламентированной коммуникативной сфере. Там процессу естественного развития языковой ситуации препятствует наличие, прежде всего, кодификации и символические функции. Этот вопрос освещен более подробно в диахронической прикладной главе нашей работы [Гладкова, Ликоманова 2002: 16–17]²⁰.

---

²⁰ Кроме того, об асимметрии коммуникативного пространства и языкового пространства упоминается и в других местах. В нашем труде также **нигде не говорится об отождествлении строения коммуникативного и языкового пространства** [Нещименко 2005: 74], а наоборот, ср. [Гладкова, Ликоманова 2002: 34–37].

Соотношение КП и ЯП рассматривается нами в частях, посвященных границам КП и ЯП, теме, не затронутой в труде Г. Нещименко. Принципы определения границ КП (этнические, языковые, политические, культурные, экономические) рассматриваются весьма подробно [Гладкова, Ликоманова 2002: 21–23]. Вот как мы объясняем соотношение границ КП и ЯП, стремясь теоретически аргументировать сущность языковой ситуации (не «дихотомическую двуцентровую модель этнического языка»): «Теоретически границы ЯП должны диктоваться границами КП. Поскольку, однако, сами границы КП формируются сложным взаимодействием разного типа факторов, где этнический и языковой принцип лишь только один из многих, очевидно, что такое положение в действительности является скорее исключением, чем правилом. Соотношение границ КП и ЯП исторически меняется, и в динамике развития в новое время налицо тенденция к их все большей взаимосвязанности. Так как язык становится главной отличительной чертой этносов, языковая проблематика здесь занимает центральную позицию (ср., например, обособление в последнее время босненского языка вслед за образованием государства). Рассматривается также и сосуществование в данном КП более чем одного языка» [Гладкова, Ликоманова 2002: 64–65]. Таким образом, наша концепция применима к объяснению коммуникативных сообществ, в которых присутствует больше чем один язык. В связи с этим мы используем при анализе языковой ситуации общепринятые в социологии термины **гомогенной и гетерогенной диглоссии / билингвизма**, ср. например [Успенский 1989].

Дальнейшему анализу асимметрии коммуникативного и языкового пространства посвящена также статья [Гладкова 2002]. **Идея обособления третьего центра на коммуникативной плоскости** (а не на языковой, как утверждается в [Нещименко 2005: 74]) сформулирована в связи со структурными сдвигами параметров стандартного языка. Весь процесс проходит под господством структурного распределения КП на две КСф. Функционирование в массовой коммуникации СЯ – константа, социально закреплённая, принявшая облик ритуализированного поведения и на основе первоначальных коммуникативных функций средств информации еще в рамках культурной коммуникации. Таким образом, в настоящее время особенно сильно чувствуется напряжение между регламентом, нормой поведения и реальными функциями, которые должна массовая коммуникация выполнять. С одной стороны, часть адресатов оценивает «комфорт» массовой коммуникации, с другой – часть адресатов болезненно реагирует на новые, ранее не допустимые типы поведения. Последствия такого развития массовой коммуникации ощущаются особенно в настоящее время [Гладкова, Ликоманова 2002: 111–112].

3.2. Соотношение центра и периферии. Из приведенных здесь и выше фрагментов нашей книги видно, что мы не постулируем для каждой из языковых сфер один идиом [Нещименко 2005: 81], но один **центральный** идиом языка, что никак не лишает нас возможности работать с понятиями центр и периферия (а наоборот, дает возможность объяснить тенденцию развития обеих сфер, которые дифференцируем и называем именно в соответствии с их свойствами). Особенно плодотворным это было при объяснении развития разговорной сферы (ср. [Гладкова, Ликоманова 2002: 76–88, 133–137]).

Ср. характеристику тенденций развития капиллярной коммуникации. Совсем естественно, что в нерегламентированной сфере капиллярной коммуникации одновременно встречаются разные идиомы НЯ, которые с диахронной точки зрения необходимо описать как исторические явления разной древности (и перспективы развития): диалекты, будучи более старыми образованиями, которые все менее способны обслуживать современные коммуникативные потребности общества, вымирают, а субстандартные идиомы глобализируются в разговорной речи (РР), по мнению некоторых специалистов, до масштаба всего ЯП.

Так образуется **центр и периферия** подобного типа коммуникации, в данном случае и КСф. Центральным мы считаем тот идиом, развитие которого показывает тенденцию к расширению охвата данной ЯСф (территориальному, социальному, коммуникативному), заменяя другие разновидности, которые периферийны в силу ограничения диапазона действия (диалектные идиомы). Другой существенной чертой центрального идиома, т.е. РР, является то, что он обслуживает общественный центр, который постепенно приобретает общенациональное значение. Эта разновидность становится типичной, немаркированной для данной сферы, она коммуникативно выгодна. Но она не исключает функционирования других исторически обусловленных разновидностей (диалектов), которые сохраняются только в меру своей коммуникативной выгоды в капиллярной коммуникации примарного сообщества (функция идентификации индивида).

Централизация в этом типе коммуникации – факт несомненный, но она далеко еще не успела преодолеть историческую (территориальную) раздробленность общества. Вопрос интерпретации субстанциональной стороны этих идиомов состоит в том, что можно ли их считать самостоятельными структурными образованиями (например, городские говоры, диалектизмы, идиомы типа *obecná moravština*, *obecná lašština* и другие). Функциональная интерпретация приводит нас к заключению, что коммуникация в этой сфере до сих пор полицентрична, процесс глобализации капиллярной коммуникации, однако, исключительно ускоряется особенно в последнее время под влиянием изменений в регламентированной сфере общения (в массовой коммуникации) [Гладкова, Ликоманова 2002: 85–86].

3.3. О целесообразности введения понятия тип коммуникации для описания языковой плоскости. Г. Нещименко считает его излишним терминологическим перекодированием (неизвестно какого термина, поскольку «высшие коммуникативные функции»

Асимметрию коммуникативного и языкового пространства можно представить так (схема использована впервые Г. Гладковой при выступлении в Лингвистическом обществе в Брно в 2001 году):

или же «непринужденное повседневное общение» ни под какое общее понятие не подведены») [Нещименко 2005: 74].

Понятие языковая ситуация мы не используем симметрично с понятием конкретной КСит, а согласно общей практике как состояние ЯП в данный отрезок времени. В основе описания Ясит, таким образом, лежит **описание языковой проекции КП в данном отрезке времени** (ср. использование этого термина у А. Едлички, В. Барнета, Д. Брозовича, А.Д. Швейцера, Л.Б. Никольского и др.).

КП состоит из коммуникации различного типа. Понятие **типа коммуникации** – понятие социологическое и дефинируется довольно комплексной оценкой коммуникативных потребностей общественности на определенном этапе развития, отражая как структуру общества, так и ее цивилизационный (культурный) уровень [Keller 1999: 49 и сл.]. Это понятие соотносимо с КСф: две основные КСф формируются как отражения двух исходных типов коммуникации (капиллярной и культурной). Поэтому для их описания целесообразно использовать инструментарий описания КСф, которая обособляется как **функциональная единица**, но в момент своего обособления она воздействует на КП уже как **структурная единица**. Регламент поведения (а на языковой плоскости – норма разновидности языка), выработанный на функциональной основе, начинает воздействовать как один из принципов построения языковой структуры, он формализуется: постепенно, по мере развития типа коммуникации (а он развивается, будучи общественной и исторической категорией) функциональная взаимосвязь с КСф ослабляется: структурный принцип распределения регламента речевого поведения начинает воздействовать как образец референтного (типового) поведения, как своего рода матрица, шаблон поведения в отдельных КСф, но также и КСит (например, в КСит разнопоставленной, неопосредствованной частной коммуникации коммуникативно обоснованно, выгодно себя вести так, как в этой ситуации принято – нормально, нейтрально, регламентировано и пр. – себя вести). Норма поведения, выработанная на основе КСф, может, однако, вступать в противодействие с меняющимися признаками типа коммуникации – дальнейшее развитие обособляет воздействие этих двух принципов: постепенно КСф функционирует как **структурный принцип**, а тип коммуникации как **функциональный принцип** выбора речевого поведения. Такую же параллель между КП и ЯП можно провести на уровне конкретных КСф и вариантности реализации разновидностей (особенно функциональной вариантности) [Гладкова, Ликоманова 2002: 73–75].

4. КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И АРГУМЕНТЫ СТАТЬИ

Считаем уместным заметить, что наше исследование, поданное Г. Гладковой в качестве диссертационной работы для присуждения ей звания доцент (поэтому, кроме прочего, в ней с такой точностью приводится авторство отдельных глав), в 2002 г. специально оценивалось тремя видными учеными: проф. Карлом Гутшмидтом (Германия), проф. Ольдржихом Уличным (Чехия) и доц. Киной Вачковой (Болгария). Все три оценки исходят из знания обоих текстов и нигде нет ни тени сомнения в неэтичном отношении к научному вкладу Г. Нещименко. Нашей книге посвящены и две положительные рецензии [Вачкова 2004; Дюлгерова 2005], в которых книга Г. Нещименко [Нещименко 1999] упоминается при сопоставлении с нашим трудом без каких-либо подозрений насчет научной выдержанности нашего подхода. Обе рецензии подчеркивают новаторство концепции, изложенной в нашей книге.

Что же касается стиля и сложности изложения, можем лишь сожалеть, что Г. Нещименко было так трудно работать с нашим текстом. В критических замечаниях Г. Нещименко смешиваются основные понятия²¹, допускаются неточности или искажения, вы-

²¹ Так, например, утверждение о скачкообразной смене условий функционирования национального языка, которая влечет за собой немедленную и ускоренную реакцию со стороны языка, нет необходимости опровергать утверждением, что развитие языка после «бархатных» революций продолжает оставаться континуальным [Нещименко 2005: 70]. В нашей формулировке нет и слова о дисконтинуитете развития языка.

званные фрагментарностью приводимых цитат и вольностью их интерпретации²². Хотелось бы, однако, чтобы критика не исходила из одностороннего взгляда на проблематику и не навязывала нам свои идеи. При этом условии, полагаем, в книге можно было бы найти и стройность модели, и выдержанность постановок, и последовательность их применения, и четкость, системность изложения, что, кроме прочего, подчеркивается в качестве достоинств книги в вышеупомянутых отзывах.

К нашему изумлению, Г. Нещименко находит в нашем тексте иронию, воинственную тональность, бесцеремонность, высокомерность, оскорбительность, обличительный пафос и прочее [Нещименко 2005: 71, 69, 72, 91, 92, 85]. Надеемся, что изложенная концепция изложения убедит читателя, что ничего подобного в нашем труде нет и быть не могло.

Поскольку русский язык ни для одной из нас не является родным, в нашем тексте присутствует ряд упущений и неточностей. Мы его выбрали для того, чтобы находиться в одинаковом положении, не нуждаясь в услугах переводчиков и редакторов. Русский язык в славистическом контексте мы сочли удобным для научной коммуникации. Если бы мы испытывали неприязнь по отношению к русской лингвистике, социолингвистике или же к русской культуре и науке, как полагает Нещименко, мы бы не сделали подобный выбор.

Мы благодарны Г. Нещименко за то, что она обратила внимание на неточности формулировок, которые присутствуют в нашей работе. В дальнейшем мы постараемся избежать подобного. Что же касается критических оценок, которые могут возникнуть у читателя в процессе изучения нашей книги, мы их только приветствуем и постараемся продолжить научную дискуссию по вопросам языковой ситуации на материале славянских языков с синхронной и диахронной точек зрения.

Приложение

Таблица соотношения элементов коммуникативного и языкового пространства

	коммуникативное пространство	языковое пространство
коммуникативные факторы	коммуникативные параметры	языковые параметры
участники коммуникации		
компетенция	(не)знание норм коммуникативного поведения	(не)способность выбора разновидности (не)способность использования разновидности
взаимоотношения (роли)	(не)разнопоставленные (не)официальные (не)формальные	(не)контролируемое поведение (не)соблюдение нормы разновидности
комфорт	(не)напряжение при коммуникации (не)соответствие поведения говорящего ожиданию адресата	(не)принужденность речевого поведения (не)экономичность речевого поведения

²² Например, мы говорим не о расширении и схеме Г. Нещименко, а об ее разворачивании [Нещименко 2005: 78], интерпретацию роли кодификаторов нужно соотносить с историческими условиями: они резко различаются в период становления нормы СЯ (а в этом периоде различается основным образом чешская и болгарская ситуация) и в настоящее время [Нещименко 2005: 72]; Г. Нещименко не разграничивает, когда формулировки представляют теоретические рассуждения, а когда относятся к конкретному периоду, и ряд других примеров.

сообщение		
тема	социально (не)значимая	(не)селективный характер разновидности (не)соблюдение нормы разновидности
цель	(не)целенаправленная	(не)проективное развертывание текста
форма	(не)письменная (не)подготовленная	(не)компактность текста (не)организация текста (!)
контакт		
взаимодействие	(не)опосредствованное (не)однонаправленное (не)публичное (не)интерперсональное (!)	(не)монологичная организация (не)селективный х-р разновидности (не)соблюдение нормы разновидности
протекание	(не)разновременное (не)ограниченность времени (!)	(не)селективный х-р разновидности (не)соблюдение нормы разновидности (не)организация текста (!)
контекст		
отношение к конкретной ситуации	(не)связанное с конкретной КСит	(не)конситуативность (не)дейктичность
код		
выбор кода	(не)обязательный	(не)селективный х-р разновидности (не)соблюдение нормы разновидности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврорин 1975 – В.А. Аврорин. О предмете социальной лингвистики // ВЯ. 1975. № 4.
- Барнет 1988а – В. Барнет. Дифференциация национального языка и социальная коммуникация // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
- Барнет 1988б – В. Барнет. Связь коммуникативной сферы и разновидности языка в славянских языках // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
- Босилков 1979 – К. Босилков. Народноразговорни и книжовни варианти в езика на възрожденската литература // Изследвания из историята на българския книжовен език от миналия век (сборник, посветен на 100-годишнината от Априлското въстание). София, 1979.
- Вачкова 2004 – К. Вачкова, Г. Гладкова, И. Ликоманова. Языковая ситуация. Истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели) // Slavia. 73. 2004.
- Виденов 1990 – М. Виденов. Съвременната градска езикова ситуация. София, 1990.
- Виденов 1993 – М. Виденов. Софийският език. Книга за всеки столичанин. София, 1993.
- Гладкова 2002 – Г. Гладкова. Структурная и функциональная модель языковой ситуации: опыт интерпретации динамики развития современной языковой ситуации (на материале чешского и болгарского языка) // K. Gutschmidt (ed.). Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slawischer Schriftsprachen in der Gegenwart / Beiträge zur Konferenz der Internationalen Kommission für slavische Schriftsprachen Dresden, 25.–28. Oktober 2000. Dresden, 2002.
- Гладкова, Ликоманова 2002 – Г. Гладкова, И. Ликоманова. Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Прага, 2002.
- Дюлгерова 2005 – Г. Дюлгерова. Рец. на: Г. Гладкова, И. Ликоманова. Языковая ситуация. Истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum. 2002 // Съпоставително езикознание. 30. 2005. 3.

- Едличка 1988а – А. Едличка. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
- Едличка 1988б – А. Едличка. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
- Изследвания 1979 – Изследвания из историята на новобългарския книжовен език от миналия век. София, 1979.
- Крысин 1989 – Л. Крысин. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Нещименко 1999 – Г.П. Нещименко. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на мат-ле сопоставит. изучения славянских языков). München, 1999.
- Нещименко 2003 – Г.П. Нещименко. Языковая ситуация. Опыт сравнения. Анализ концепций. М., 2003.
- Нещименко 2005 – Г.П. Нещименко. Некоторые раздумья над книгой «Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели)» // ВЯ. 2005. № 6.
- Никольский 1976 – Л.Б. Никольский. Синхронная социолингвистика. М., 1976.
- Робинсон 2004 – М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-годов). М., 2004.
- Успенский 1989 – Б.А. Успенский. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковно-славянского и русского языка // Византия и Русь. М., 1989.
- Barnet 1977 – V. Barnet. Vztah komunikativní sféry a rŕnotvarŕ jazyka v slovanskŕch jazycŕch // Slavia. № 46. 1977.
- Čechová 1996 – M. Čechová. a kol. Čeština – řeč a jazyk. Praha, 1996.
- Černý 1995 – V. Černý. Vývoj a zločiny panslavismu. Praha, 1995.
- Černý 1998 – J. Černý. Úvod do studia jazyka. Olomouc, 1998.
- Cvrček 2006 – V. Cvrček. Teorie jazykové kultury po roce 1945. Praha, 2006.
- Garvin 1959 – P.L. Garvin. The standard language problem: concepts and methods // Anthropological linguistics. 1959. № 1.
- Gladkova 2002 – H. Gladkova. Vzestup a krize symbolickŕch funkcŕ slovanskŕch standardnŕch jazykŕ. Obdobja 20 – Metode in zvrsti. Slovenski knjiŕni jezik – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje (Ob 450-letnici izida prve slovenske knjige). Ljubljana, 2002.
- Jakobson 1989 – R. Jakobson. Poetyka w ŕwietle językoznawstwa // W poszukiwaniu istoty języka. Warszawa, 1989. T. 2.
- Keller 1999 – J. Keller. Úvod do sociologie. Praha, 1999.
- Leška 1993 – O. Leška. K Novákovŕm «osudŕm české lingvistiky» // SaS. 1993. 54.
- Leška 2003 – O. Leška. Jazyk v strukturnŕm pojetŕ. Kapitoly ze synchronnŕ a diachronnŕ ruštiny. Praha, 2003.
- Mudra 2006 – J. Mudra. Рец. на: Л.П. Лаптева. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005 // Slavia. 75. 2006. 3.
- Nebeská 1996 – I. Nebeská. Jazyk norma spisovnost // Acta universitatis Carolinae Philologica Monographia CXXVI – 1995. Praha, 1996.
- Neustupný 2002 – J. Neustupný. Sociolingvistika a jazykový management // Sociologický časopis. 38. 2002. № 4.
- Novák 1990 – P. Novák. Konstanty a proměny Havránkovŕch metodologickŕch postojŕ (se zvláštŕm zřetelem k jeho pojetŕ marxistickŕ orientace v jazykovĕdĕ) // Slavica Pragensia. 34. 1990.
- Novák 1991 – P. Novák. K poválečnŕm osudŕm české lingvistiky // SaS. 52. 1991.
- Novák 1996 – P. Novák. Conditio sine qua non. K diskusi o češtinĕ dnešnŕ a zŕtřejšŕ // Jazykovĕdnĕ aktuality. 33. 1996. 3–4.
- Salzmann 1996 – Z. Salzmann. Jazyk, kultura a společnost. Úvod do lingvistické antropologie. Z anglickĕho originálu Language, culture and society. An introduction to linguistic anthropology. Colorado 1993. Český lid, suplement 83, 1996. Praha, 1997.
- Sgall 2001 – P. Sgall. Galina Něščimenko. Etničeskij jazyk. Opyt funkcional'noj differenciacii // SaS. 62. 2001. 1.
- Slovník 2002 – Encyklopedický slovník češtiny. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (eds.). Praha, 2002.
- Starý 1995 – Z. Starý. Ve jmĕnu funkce a intervence. Praha, 2005.
- Uličný 1998 – O. Uličný. Otázky kodifikace normy spisovnŕch slovanskŕch jazykŕ v postkomunistickĕm období // Česká slavistika 1998. České přednášky pro XII. mezinárodní sjezd slavistŕ. Kraków; Praha, 1998.
- Vachek 2005 – J. Vachek. Lingvistický slovník Prazské školy. Prameny k dějinám českĕho myšlení. Praha, 2005.
- Vlček 2002 – R. Vlček. Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha, 2002.
- Vlček 2004 – R. Vlček. Dobrovský, Rusko a Rusofilství // V. Vavřínek, H. Gladkova, K. Skwarska (eds.). Josef Dobrovský – fundator studiorum slavlicorum / Sborník příspěvkŕ z mezinárodní konference v Praze 10–13 června 2003. Praha, 2004.